

занимавшегося организацией поездки одной из болельщицких групп, Владимир Подольский (газ).

5. Являющийся результатом... / итогом деятельности... (5 из 20 прилагательных), например:

Бомбардирский ‘являющийся итогом деятельности бомбардира’: *Он является одним из лучших снайперов чемпионата, записав на свой бомбардирский счет 11 голов* (газ.).

6. Такой, деятельность которого связана с... / осуществляющий деятельность, связанную с... (4 из 20 прилагательных), например:

Спортивный ‘такой, деятельность которого связана со спортом, спортсменами (о человеке)’: *Ему сразу же оказали помощь спортивный врач и массажист, и конец игры он уже наблюдал с трибуны* (газ.).

Итак, в результате дискурсивного анализа контекстов прилагательных, относящихся к группе «Человек», подгруппе «Человек по функции в спортивном состязании, спортивной игре» и «Человек, занимающийся спортом», имеющихся в Национальном корпусе русского языка, нами была выявлена парадигма идентификаторов данной группы, состоящая из 6 основных идентификаторов и 3 их вариантов.

Примечания

1. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>
2. Бабенко Л. Г. Предисловие // Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам. М., 2011. С. 20–29.
3. Селиверстова О. Н. Труды по семантике. М., 2004.

© О. И. Северская

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
г. Москва*

ПОЭТИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ МОЛЧАНИЯ, ШЕПОТА И ГОЛОСОВ (ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ)

Лексемы *молчание*, *шепот*, *голос* в русской поэзии XVIII–XX вв. занимают особое место: обозначая конкретные коммуникативные ситуации, они вместе с тем превращаются в символы поэтических *langue*, *language* и *parole* и в этом качестве обретают новые поэтические смыслы.

Ранжировать их удобно, воспользовавшись предложенной М. Л. Ковшовой [1] классификацией культурных смыслов метадикурсивных слов и отделив коммуникативную составляющую от символической — космогонической и религиозно-мистической — в семантике упомянутых лексем.

Коммуникативное *молчание* предполагает «нулевой речевой акт» как следствие утраты дара поэтической речи (ср. у А. Мещевского: *Давно забыт я богом лиры; Молчание и чувств печать — Тебе мой отголосок сырый*), так и неполноты коммуникативной ситуации: *Молчание. Нам некому сказать...* (Ф. Чернов), либо сознательного отказа от коммуникации: *Молчание — ответ взывающим* (Ф. Сологуб) или «разговора без слов»: *Обрывается речь и — стоп! — Договаривает молчание* (П. Антокольский). Вместе с тем, *молчание* испокон веков предстает как условие успешности коммуникации поэтической: *гласу лирному в молчании внимлите* (В. Майков); *Слово лишь намек роскошнейших молчаний, Дружелюбные читатели стихов* (А. Лозина-Лозинский).

Коммуникативному *шепоту* соответствуют знаки как простых сообщений, сделанных вполголоса, так и передачи неточных или заведомо ложных сведений, тайного знания, магических словесных формул. Довольно часто раздаются *шепоты разговора, речей, слов, как и голоса многоязычья, молвы разноречивой, Слова*.

Ассоциируются рассматриваемые лексемы и с внутренней речью, субъектами которой чаще всего выступают *душа, сердце*, различные чувства — прежде всего, *вера, надежда, любовь*, а также *мечты и грезы* и символизирующие творчество *муза, лира, струны* (и множество звучащих в поэтическом пространстве музыкальных инструментов).

В том случае, когда речь идет о состоянии мира и человека в этом мире, можно говорить о космогоническом *молчании*: *Вокруг молчание* (Эллис); *природа вся молчанием объята* (Т. Щепкина-Куперник); *шепоте: Всюду вздохи, Всюду — <...> Шепот* (Ю. Балтрушайтис); *голосе: Слышу я Природы голос, Порывающийся крикнуть* (Л. Мартынов). При этом с *молчанием* связываются преимущественно классы его субъектов (*земля, небеса, воды, растительный и животный миры*), а *голосом* и *говором* наделяются уже конкретные «субъекты речи», чрезвычайно разнообразные.

Знаки общения человека с божественными сферами и его апелляции к Логосу можно видеть в религиозности *молчания*: *Видит присутствие бога В этом молчании ум* (И. Никитин); *Господи, тише молчания слово твое* (Е. Даенин); а также *шепотов* — *небесных ангелов и серафимов, молитв, исповедален, Псалтири, и голосов* — *молитвы и церковей, пророка, ангела, Бога, Господа, Мадонны и т. п.* Знаками общения с иными мирами служат мистические *молчание, шепот и голос*, ассоциирующиеся с *тайной, невыразимым* и со *смертью, загробным миром, ночью и тьмой, сном, временем и Вечностью* и т. д.

Однако большинство контекстов употребления лексем *молчание, шепот и голос* синкретичны, особенно тогда, когда с ними связывается представление о творчестве. Творческое состояние, как правило, ассоциируется с *молчанием*: *Я защищаю Не голос, а молчание мое* (А. Ахматова), при этом *молчание* оказывается вместилищем разного рода звуков и голосов: *все голоса, звучащие так разное, / в молчание одно в душе должна я слить* (Е. Дмитриева), которые готовы оформиться в *шепоте*. Связь *шепота* с творчеством начинает декларироваться русской поэзией с начала XX века. Прежде всего, творческим называется *шепот тишины*: *Язык безмолвия! Как внятен шепот твой!* (Г. Голохвастов), шепот нащупывается в языке: *Ты жаждешь языком нащупать шепот В горячей сладостной слюне слова...* (Б. Божнев). Интересно, что современными поэтами прямо декларируется связь *шепота* и *молчания*, обретающего субъектные формы: *Мы молча в шепот сходим и там себя находим* (И. Жданов). *Шепот* занимает промежуточное положение между *молчанием* и звучанием *голоса*, соответствуя речевой поэтической деятельности (*шепот-language*), превращающей язык (*молчание-langue*) — в речь (*голос-parole*). Синкретизм контекстов отражает и этапы языкового осмысления мира: от материи, природы, явленной в знаках, к чувственному и сознательному восприятию, а затем воплощению его итогов в коммуникации.

Как можно было заметить, смысловые структуры рассмотренных концептуальных слов изоморфны, что говорит о сходстве «языковых кругов», которые с ними ассоциируются в системе поэтического языка.

Примечание

1. *Ковишова М. Л.* О культурных смыслах в семантике «слов молчания»: опыт исследования // Под знаком «Мета»: материалы конф. «Языки и метаязыки в пространстве культуры», Институт языкознания РАН (14–16 марта 2011 г.) / под ред. Ю. С. Степанова и др. М.; Калуга, 2011. С. 342–352.

© **Е. Р. Филатова**
УрФУ, г. Екатеринбург

ИДИОСТИЛЕВОЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА С ПРИМЕНЕНИЕМ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ (на материале переписки А. П. Чехова)

О стиле и стилевых системах уже не одно столетие размышляют специалисты по риторике и эстетике, лингвисты и историки. Но методологически проблема всестороннего изучения индивидуального авторского стиля до сих пор не решена. Говоря об индивидуальном стиле писателя, академические исследователи, как правило, имеют в виду некую систему тематико-стилистических пластов, из которых состоят анализируемые тексты, и чаще всего видят своей целью выявление связи между эстетической значимостью содержания и лингвистическими средствами выражения. Принципиально важно, что вряд ли кто-то из современных исследователей идиостиля в литературно-художественной сфере станет спорить с базовым положением о том, что возникновение тех или иных тематических пластов провоцируется не чем иным, как отношением художника к действительности, его мироощущением и — как следствие — художественной идеологией.

Считается, что употребление языковых средств в тексте полностью зависит от воли автора, его индивидуального стиля. Этот фактор объясняет стремление ученых-лингвистов выявить главные, доминирующие средства речевой структуры отдельного художественного произведения, формирующие уникальность его стилевой организации.

Современные возможности обработки огромных текстовых материалов позволяют производить статистический анализ слов, а также осуществлять их тематический анализ с целью систематизирования и филологической интерпретации.